

ЛЬЮИС (Lewis) Кларенс Ирвинг (1883—1964) — американский философ. Доктор философии (1911). Преподавал в Гарварде (1920—1953). Сторонник «концептуального прагматизма»;

Основные сочинения: «Очерк по символической логике» (1918), «Мышление и мировой порядок» (1929), «Символическая логика» (в соавторстве с К. Лэнгфордом, 1931), «Альтернативные логические системы» (1932), «Анализ знания и оценки» (1941), «Основание и природа права» (1955), «Наше социальное наследие» (1957) и др. Философия, по Л., являет собой «задачу для всех». Она ориентирует человека на постижение того, что такое ценность, справедливость, добро, зло, благо; выявляет соотношения средств и целей. Согласно Л., «мысль непрерывным образом связана с действием», «направляемое сознанием поведение есть не что иное, как высшая форма приспособительной реакции... без этой функции правильного руководства действием наши сложные способы познания не имели бы места». С точки зрения Л., «познание является прагматическим, утилитарным, и его ценность, как и ценность той деятельности, которую оно непосредственно обслуживает, является внешней»;

Хотя при этом любой оценке любого специалиста, предлагающего нам некий набор поведенческих решений, всегда предшествует наш личный целевой выбор. Философия же способствует его более ясному осознанию.

Процесс философствования (по Л., постижения природы реального) включает в себя рефлексию над такими понятиями, например, как «материя», «мышление», «жизнь» и т.д. Философия (как «постижение априорного») не должна выходить за пределы установлений, коренящихся в практике разума, оставаясь тем самым в русле общего потока опыта людей. Л. считал, что поскольку философия ориентирована на индивидуацию и критический анализ категорий как тех априорных форм, из которых и состоит наш опыт, постольку в ее границах целесообразно разграничивать непосредственно чувственно данное, с одной стороны, и процедуру его мыслительной интерпретации — с другой. «Данное», по мнению Л., является непосредственно данным и не подлежащим исправлению; это — не объект, и не ощущение, и не нервный путь, поскольку каждое из этих понятий предполагает «данное» и в то же время содержит элементы интерпретации. «Данное» располагается в границах той сознательности, которой, по мысли Л., индивид бы обладал, если бы, лишенный интерпретационных способностей, «был ребенком или невежественным дикарем»; данное «не может быть создано или заменено никакой деятельностью мышления... неизменно независимо от наших интересов», составляя «элемент грубого факта в восприятиях, иллюзиях и

снах". "Данное", согласно Л., необходимо отличать от "найденного", включающего в себя, помимо первого, также "все, что феноменологически может быть обнаружено непосредственно в опыте" ("зрительно наблюдаемую красоту", "тактильно ощущаемую твердость", "мое утреннее ощущение гнева или эйфории, или мое послеобеденное ощущение подавленности" и т.п.). "Данное" у Л., будучи непосредственным, является "невыразимым" и вводится посредством словоформ типа "звучит правдоподобно"; "

;Я вижу то, что похоже на гранитные ступеньки".

В итоге "данное" выступает "сухим остатком" следующей процедуры: "Вычти из того, что, по нашему мнению, мы видим, слышим или еще каким-то образом узнаем из непосредственного опыта, все, что мыслимо представить ошибочным; остатком будет данное содержание опыта, порождающее рассматриваемое мнение". Без безусловной непосредственности данного, по схеме Л., эмпирическое знание "исчезло бы" в "бесконечном регрессе вероятностей" и было бы фактически невозможным.

Разводя собственное мировоззрение с феноменалистическими моделями, Л. подчеркивал, что "данное" всецело независимо от нашего мышления, внутренняя связность сама по себе (без "данного") не продуцирует знания. Связи, находимые между "данными", являются для них "реальными связями, совершенно независимыми от наших идей и продолжающими существовать независимо от того, сталкиваемся мы с ними фактически или нет". Именно мышление, согласно Л., наделяет априорными смыслоформирующими значениями познавательный опыт человека: "понятия являют собой то, что мышление привносит в опыт... мы устанавливаем реальность наблюдаемых вещей, узнаем, что реальные объекты существуют, и постигаем основные вероятности, на основе которых признается существование мира возможных объектов". Из этого следовало, что априорное как продукт мышления — нечто относительное (хотя и не произвольное) и отнюдь не является чем-то неизменно зафиксированным в умах людей. Важен процесс выбора "априорных оснований" в контексте их корреляции с прагматическими критериями познавательной деятельности.

По выводу Л., "...априори не столько продиктовано тем, что представлено в опыте, не столько сообщает человеческой природе надвременной компонент, сколько отвечает общим критериям прагматического характера...

Это присуще как категориальному мышлению, так и иным видам практической

деятельности. Здесь... результат достигается конкуренцией различных типов поведения, неудача в достижении определенных целей корректирует и удерживает определенные черты поведения". Л. полагал, что, хотя априорные суждения как своеобразные несущие конструкции познания принято полагать верными, любое эмпирическое обобщение всегда зависимо от будущего (и постольку лишь вероятного) опыта: эмпирические истины в процессе их изучения перманентно подвержены содержательной ревизии. Значимость научной практики обусловлена, по мысли Л., именно потенциальной неистинностью всех налично существующих обобщений. Концепция "данного" у Л., содержа достаточные критерии для опознания его конкретных случаев, подтвердила насущную необходимость уяснения этого "данного" для адекватного познания; одновременно Л. сумел ("Мышление и мировой порядок") продемонстрировать то, каким именно образом мы отбираем предпочтительные понятия и концептуальные схемы. Л. подчеркивал в работе "Анализ знания и оценки", — в тот период такой акцент выступал важной преградой на пути избыточного конвенционализма, — что, как только определены значения в дедуктивной системе, ее следствия уже не являются предметом выбора; что, несмотря на свободу выбора систем, следствия внутри систем определенным образом связаны и это существенно ограничивает дальнейший выбор; что основания для таких порядков располагаются в связях между значениями.

А.А. Грицанов